

На изнанке карт: критические исследования картографии

КОНСТАНТИН ИВАНОВ

Институт истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова (ИИЕТ РАН), Москва, Россия, ikv@ihst.ru.

АЛЕКСАНДР ПИСАРЕВ

Институт философии РАН, Москва, Россия, topisarev@gmail.com.

СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ),
Россия, o-s@proc.ru.

Ключевые слова: картография; критические исследования картографии; пострепрезентационизм; онтология; история науки; практическая философия.

В статье обсуждаются ключевые проблемы критических исследований картографии, которым посвящен настоящий номер «Логоса». В начале основные контуры этой проблематики намечаются путем интерпретации художественного проекта Бушры Халили «Проект „Картографирование путешествий“» (2008–2011). Затем вводится идея критических исследований картографии. Деконструкции в них подвергается, во-первых, современный западный здравый смысл и официальная научная идеология (прежде всего самих профессиональных картографов) о карте как нейтральной и объективной репрезентации. Во-вторых, способы, контексты и последствия производства и использования карты в социально-политических практиках, от колонизации, войн и перекраивания социальных общностей до управления территориями, нациестроительства и прокладки маршрута.

По мнению критических исследователей, карты фиксируют не ландшафт как конкретную материальную данность, а строго определенную

совокупность отношений к этой данности, обусловленных социальными, политическими, культурными и экономическими реалиями. Несмотря на относительную концептуальную автономию математических и технических построений и действий, карта не может рассматриваться как нечто самостоятельное. Она инструментальна, ситуативна и обладает значимостью лишь в той мере, в какой в своем использовании функционально встроена в более широкие системы. В этом смысле она может быть представлена как объект, находящийся в процессе постоянного становления. Карта — результат работы многих институтов, большой цепочки коллективных действий, от сбора и систематизации данных до математической обработки, макетирования и тиража. В заключение обсуждается семиологический аспект карт: он задается синтагмой маршрута и синтагмой границы. Поэтому если карта высказывается, то это высказывание имеет два модуса — «путешествие» и «разграничение».

ПЕРЕД нами на экране статичный кадр, в кадре — карта средиземноморского региона и рука, которая маркером наносит на эту карту ломаную линию. Мы слышим голос, но не видим лица, не знаем имени говорящего. Всего в видеоинсталляции восемь таких записей, звучат английский, итальянский, арабский языки, голоса дублируются субтитрами на английском. Эти записи сделаны в рамках художественного проекта марокканско-французской художницы Бушры Халили «Проект „Картографирование путешествий“» (2008–2011)¹.

Руки и голоса принадлежат беженцам из Северной Африки и Палестины, которые были вынуждены покинуть родные места и нелегально, скрытно пересекать границы. Ломанные линии — траектории их опасных и полных тягот путешествий в Европу. Нанося эти линии на карту, они рассказывают о своих перемещениях. В некоторых случаях этот путь занял не один год, прерывался из-за арестов, заключения в тюрьме или бюрократической волокиты. Их истории пронизаны страхом и риском, в них — неведение, предательства, кражи, болезни, блуждания, депортации.

Этот художественный проект — своего рода контркартография². Традиционно карта понимается как объективная репрезентация территории. Однако здесь этот режим ее работы — миметический³ — ставится под вопрос. Участники проекта своими действиями переподшивают поверхность карты к иной реальности — не нейтральной, евклидовой и объективной, а прожи-

1. См. страницу проекта на сайте художницы, URL: <http://www.bouchrakhalili.com/the-mapping-journey-project/>, и видео с комментарием Халили, URL: https://youtu.be/u_QxXnh23kE. См. также: Nicolaou A. Documenting Migration in Contemporary Art: Bouchra Khalili's The Mapping Journey Project // Post. Notes on Art in Global Context. 19.2.2020. URL: <https://post.moma.org/documenting-migration-in-contemporary-art-bouchra-khalilis-the-mapping-journey-project/>.

2. О концепции и активистских практиках контркартографирования см., напр.: Wood D. Rethinking the Power of Map. L.; N.Y.: The Guilford Press, 2010. P. 111–256; This Is Not an Atlas: A Global Collection of Counter-Cartographies / Kollektiv Orangotango+ (eds). Bielefeld: transcript Verlag, 2018.

3. См. перевод статьи Валери Новембер, Эдуардо Камахо-Хюбнера и Бруно Латтура «Вступая на территорию риска: пространство в эпоху цифровой навигации» в настоящем номере «Логоса».

Илл. 1–3. Бушра Халили. Проект «Картографирование путешествий» (2008).

ваемой, телесной и реляционной, не к пространству границ, а к местам их нарушения и пространствам мобильности. Карта — уже не репрезентация, а нечто, работающее иначе. Ее геометрия соединяется с геометрией страдания и прекарной жизни мигрантов, принявшей форму ломаной линии, которая нанесена маркером на карту⁴. Каждая такая линия — свидетельство произвольности, сделанности, но одновременно реалистичности и силы границ, главных антагонистов этих людей. Каждая линия и звучащая за ней история — сопротивление национализмам, идеологиям, надзору, регионализму, системам безопасности и слежения.

В контексте картографии проект Халили интересен тем, что работает за счет выстраивания ряда контрастов, подсвечивающих и проблематизирующих некоторые укорененные в западном здравом смысле аспекты карт, создавая тем самым ряд напряжений. Во-первых, напряжение между будничностью и легкостью, с которой маркер пересекает границы на карте, и тяготами путешествия беженцев, сочетающего в себе прорыв, просачивание, прятание, бюрократические мытарства, голод и лишения. Эта эмоциональная бездна контрастирует с нейтральностью, объективностью и рутинностью поверхности карты, рваный ритм жизни мигрантов и уязвимость их тел — с регулярностью и идеальностью сетки меридианов и широт.

Во-вторых, напряжение между масштабами. Карта в масштабе, представленном в видео Халили, адресована не столько индивидам для ориентации на местности или обживания, сколько нечеловекообразным акторам вроде государств и корпораций для учреждения и разрушения территорий, социальных и политических общностей, для организации и поддержания глобальной торговой и военной логистики. Если эта карта что-то и репрезентирует, то это не объективно и универсально существующая

4. Ср. это совмещение двух «геометрий» у Жоржа Перека: «В мае 1961 года, неподалеку от руин Сбейтлы, в Тунисе, где-то в районе Кассерина, я увидел алжирскую границу: простая изгородь из колючей проволоки. В нескольких сотнях метрах виднелась разрушенная ферма, уже на территории Алжира. „Линия Мориса“, которая оставалась еще действующей, проходила, как мне сказали, прямо за ней. Границы — это линии. Миллионы людей погибли из-за того, чтобы были границы. Тысячи людей погибли, потому что не смогли их пересечь: выжить тогда означало просто переправиться через реку, обойти холмик, пройти лесок» (*Перек Ж. Просто пространства. Дневник пользователя*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. С. 110).

территория, одна для всех, а территория, коррелятивная самой карте и практикам этих больших акторов. «Слишком человеческая» линия пути мигрантов с ее реалиями вступает в противоречие с этим масштабом, которому соответствуют совсем иная точка зрения, иной взгляд и иные реалии. Реальность этого пути подвешивает репрезентационную функцию карты и актуализирует ее как вещь, поверхность, сопротивляющуюся бесшовному переходу к глубине репрезентации и подчиненную практической деятельности того или иного актора.

В-третьих, напряжение между картой как одним из центральных инструментов западной колонизации, основой воздушных замков геополитического воображения⁵, занятого военно-политическим перекраиванием границ и конструированием территорий⁶, и уязвимой субалтерной позицией мигрантов как продуктов и жертв колониальной системы. Жест нанесения линии оказывается символическим переписыванием карты.

Художественный проект Халили ставит вопрос о природе карт и сценариях их создания и использования разными акторами, о том, что значит картографировать и как соотносятся карта и территория. Самюэл ван Хогстратен в трактате о рисовании писал: «Как прекрасна хорошая карта, где мы видим мир словно из другого мира благодаря искусству рисования»⁷. Проект Халили подводит нас к мысли, что плоскость карты всегда будет сопротивляться стремлению «проткнуть» ее, чтобы соединить мир по эту сторону карты и территорию там-во-вне, обозреваемую будто с высоты птичьего полета: с идеей здравого смысла, что карта репрезентирует территорию, что-то не так. Это если

5. Кант считал, что «ландкарты заключают в себе нечто такое, что привлекает всех детей, даже самых маленьких. Если даже все остальное и надоест им, то они все-таки научатся какому-нибудь такому делу, при котором употребляются ландкарты. Это — хорошее занятие для детей, которое не позволяет их воображению уноситься куда попало и направляет его на нечто определенное» (*Кант И. О педагогике. 1803 // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 436–437*). Однако сегодня оптимизм Канта кажется наивным, мы хорошо знаем, в том числе на своем горьком опыте, что возбуждаемое линиями карт геополитическое воображение слишком часто улетает именно «куда попало» и утягивает за собой многих.
6. Этот аспект картографии является одним из предметов рассмотрения в статье Станислава Гавриленко «Мир на поверхности: „Послы“ и земной глобус Ганса Гольбейна Младшего», публикуемой в настоящем номере «Логоса».
7. Цит. по: *Алперс С. Искусство описания. Голландская живопись в XVII веке. М.: V-A-C Press, 2022. С. 243.*

и не заблуждение, то по меньшей мере не вся правда. Кризис репрезентации стал одним из основных стимулов критического переосмысления того, как карты существуют и как работают в наших практиках.

* * *

Идея критики в критических исследованиях картографии предполагает отказ рассматривать карту только как нейтральное представление (репрезентацию) пространственных фактов, отказ от

... конвенционального понимания карты как масштабированной репрезентации измеримых географических фактов, локализованных в абсолютном евклидовом пространстве⁸.

Дело в том, что

... современная культура внедряет идеализированную концепцию картирования, которая затемняет бесчисленные способы, которыми люди производят и потребляют карты, а также обеспечивают их циркуляцию, будь то в прошлом или в настоящем⁹.

Более того, Брайан Харли, один из основателей критических исследований картографии, отмечает, что

Согласно господствующему взгляду на современную (*modern*) западную картографию, берущую свое начало в эпохе Ренессанса, это техническая дисциплина, располагающаяся на траектории прогресса. Претендующие на производство правильной реляционной модели местности (*terrain*), карты рассматриваются как воплощение репрезентационного модернизма, укорененного в проекте Просвещения и предлагающего изгнать субъективность из образа. Тем самым картографы обеспечили свою дисциплину стандартной научной моделью, в рамках которой утверждается, что отражение природы может быть получено при помощи геометрии и измерений¹⁰.

8. *Cosgrove D.* Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World. L.; N.Y.: I. B. Tauris, 2008. P. 2.

9. *Edney M. H.* Cartography: The Ideal and its History. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2019. P. 1.

10. Выдержки из ответов Харли от 25 ноября 1991 года на вопросы анкеты для авторов Издательства Университета Джона Хопкинса. Цит. по переводу статьи Дэниса Вуда и Джона Фелса «Природы карт: картографические конструкции природного мира», публикуемому в настоящем номере «Логоса».

Критическому исследованию подвергаются, во-первых, представления современного западного здравого смысла и официальной научной идеологии, прежде всего самих профессиональных картографов, о карте как нейтральной и объективной репрезентации. Во-вторых, способы, контексты и последствия производства и использования карты в социально-политических практиках от колонизации, войн и перекраивания социальных общностей до управления территориями, нациестроительства и прокладки маршрута.

Стандартные определения карты (даваемые картографами) — это упрощения. Тогда критика картографии — это исследовательская работа, стремящаяся различить то, что не различает в карте и практиках картографирования профессиональный взгляд картографа и/или расхожие представления о карте и картографии. Карта всегда есть что-то еще, что-то большее как в плане репрезентации, так и с точки зрения модальностей существования. Критическое отношение к карте предполагает исследовательскую работу с этим избытком.

Карта рассматривается не как часть или не только как часть идеализированной системы карта-территория, учреждаемой миметическим отношением между элементами и очищенной от всех якобы внешних реалий (общества, политики, культуры, историчности), которые остаются на ее изнанке. Карта как актор в многомерном социальном, политическом, культурном и историческом пространстве может по-разному действовать и быть по-разному задействована в человеческих практиках. Словом, критика во вполне материалистическом духе стремится понять, что же такое карта как часть действительности, в которой есть злоупотребления властью, социальная несправедливость, войны, беженцы, подтасовки на выборах, объективация целых социальных общностей, но также маршруты, путешествия, среды обитания и экологические проблемы.

Поэтому, как только мы попытаемся заглянуть по ту сторону карты, окажемся на ее изнанке, то столкнемся с радикальной сложностью и разнородностью задействованных в создании и функционировании карты сетей социотехнических практик и акторов. Мэтью Эдни говорит, что «карта — это представление пространственной сложности»¹¹, но и сама карта не менее сложна, будучи странным гибридом интеллигибельного и эмпириче-

11. Edney M. H. Op. cit. P. 41.

ского, теоретического и наглядного, воображаемого и реально-го, видимого и читаемого, научного и политического, актуального и виртуального, репрезентативного и перформативного. Критика подходит к карте в ее незнакомости и чуждости, заморожена ею. Это удивление, восхищение вызвано тем, что не умещается в привычные представления здравого смысла и официальной научной идеологии.

То есть критический жест по отношению к картографии — это в действительности позитивный акт утверждения радикальной сложности (если хотите, комплексности) картографического объекта, рассматриваемого и с точки зрения встроенных в него репрезентационных механизмов, и с точки зрения множественных модальностей его существования (в конце концов, карта мира и кадастровый план — это очень разные объекты), в том числе его функций (например, в эпоху Ренессанса карты мира были и инструментами духовных стоических упражнений) и производимых им эффектов.

* * *

За последние несколько десятилетий было написано множество статей и книг, в которых демонстрировалось нарочито критическое отношение к картам и картографированию. Большинство профессиональных картографов восприняло это как бесцеремонное вторжение философствующих географов и картографов в их трудное и благородное ремесло, требующее не только высококвалифицированной математической подготовки, не только натренированных навыков обращения со сложным техническим оборудованием, но и незаурядной физической и моральной выносливости, позволяющей сохранять восприятие незамутненным в ситуациях весьма (а иногда и отчаянно) далеких от благополучия и комфорта.

Долгое время профессиональная картография, ассоциируемая с опасными путешествиями, описаниями военных театров, демаркацией границ, разрешением межевых споров, реализацией высокомодернистских государственных проектов, резонно воспринималась как новый тип маскулинности, основанный не столько на бесстрашии и залихватской удали, сколько на научной подготовке, трезвом расчете и умении сочетать силу с бойким, избрательным мышлением. Картографы думали (или считалось, что они так думают), что производят объективное знание с помощью тонко настроенного научного оборудования и тщательно продуманных технических приемов. Но начиная с прорывных ра-

бот Джона Брайана Харли (1932–1991) — одного из вдохновителей и основателей (вместе с Дэвидом Вудвордом (1942–2004)) грандиозного интернационального издательского проекта «История картографии»¹² — интерес к картам начал приобретать несколько иные оттенки¹³. Эродирующий критический дискурс в отношении картографии, распространившийся среди критиков модерна как таковой, начал выветривать из карт беспристрастность, объективность, автономный онтологический статус и репрезентативную самостоятельность. Критики растворяли карты в череде других пространственных практик, пытаясь показать произвольность выбора того или иного типа картирования и таким образом денатурализовать устойчивость представления о них, как о чем-то объективном и самостоятельном. Их вписывали в различные контексты и выявляли сложные цепочки действий, в которых карта, понимаемая в ее тривиальном значении конечно-го продукта работы картографа, становилась маловажным артефактом, теряющим ценность в момент своего окончательного воплощения. Их демонизировали как изолированные инструменты господства, скрывающие под видом рутинной достоверности, подкрепленной авторитетом инструментально выверяемого знания, алчную тягу к территориальным захватам и политическому подчинению.

Было бы неправильно полагать, что картографы сильно пострадали от этой критики (если не принимать в расчет нарциссических потерь). Более того, на уровне бытующих юридических и правовых практик они обладают несомненным позиционным

12. «История картографии» — это мегаисследовательский проект. С 1987 по 2020 год вышло пять томов, охватывающих историю картографии с древних времен до XX века и все культурно-географические регионы мира (включая традиционные африканские, американские, арктические и тихоокеанские общества). Размах проекта виден, например, по третьему тому, посвященному картографии европейского Ренессанса (см.: *The History of Cartography* / D. Woodward (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007. Vol. 3). Этот том содержит 62 отдельных исследования, а его общий объем составляет 2272 страницы. В настоящее время готовится к публикации последний, шестой том, посвященный XIX веку. Материалы 1, 2, 3 и 6-го томов выложены на сайте издательства Чикагского университета, см. URL: <https://press.uchicago.edu/books/HOC/index.html>.

13. См. вышедший через десять лет после смерти Харли сборник его работ: *Harley J.B. The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001. В него вошли и две программные и наиболее цитируемые статьи Харли «Карты, знание и власть» (Р. 51–82) и «Деконструируя карту» (Р. 149–168).

превосходством в том смысле, что критик картографии зачастую вынужден обращаться за помощью к картографу, обратные же случаи крайне редки. Каждый критический исследователь картографии прямо или косвенно обращается к профессиональным услугам картографа как минимум один раз, а именно — оформляя документы на право обладания жильем. Картограф является к критику под видом юридической неизбежности, выступая в качестве единственного надежного гаранта его житейской защищенности. Кадастровый паспорт (со всеми его терминологическими мутациями в зависимости от времени и места), являющийся конечным продуктом работы кадастрового инженера, в данном случае совершенно очевидно должен восприниматься не как бессмысленный артефакт, замыкающий цепочку осмысленных решений и действий, а как в высшей степени осмысленный документ, подтверждающий индивидуальное право его владельца на более или менее суверенное место под солнцем. Пока это отношение работает только в одну сторону. Помнится, на одном семинаре, где обсуждались многие уязвимости карт как объективных свидетельств реальности, присутствовавший там профессиональный картограф с улыбкой ответил:

Все это так, но когда вам понадобится узнать, как проходят тропы на горном перевале, мы предоставим вам наши двухверстки.

И все же критики картографии полагают, что они обнаружили новые измерения в реальности карт и картирования, не охватываемые ни математической картографией, ни техникой составления и оформления карт. По их мнению, карту ни в коем случае нельзя считать только обобщенным изображением поверхности Земли (или другого космического объекта), построенным в определенной проекции с помощью определенных условных знаков. Помимо отображаемого ландшафта карты содержат нечто, мимикрирующее под ландшафт, но им не являющееся. Используя предельно общее определение, можно сказать, что карты, по мнению критиков картографии, фиксируют не ландшафт, как конкретную материальную данность, а строго определенную *совокупность отношений* к этой данности, обусловленных социальными, политическими, культурными и экономическими реалиями¹⁴. Карта важна

14. Одним из едва ли устранимых аспектов картографии, не позволяющим сводить карты к «математически определенному, генерализованному изображению поверхности Земли, другого небесного тела или космическо-

не сама по себе, а как часть более широких коммуникаций и практик. Она — лишь подручное средство, инструмент реализации поставленной задачи, предполагающей не статическое созерцание, а динамическое действие, процесс¹⁵.

Главная претензия критиков картографии даже не столько к картографам, сколько к сложившейся привычке видеть в картах нечто устойчивое и самостоятельное, заключается не в том,

го пространства, показывающему расположенные или спроецированные на них объекты в принятой системе условных знаков» (*Берлянт А. М. Картография: учебник. М.: ИД КХУ, 2014. С. 13*), является то, что карты учреждают новые поля видимости, поля, замещающие данности перцептивного опыта и научно организованного наблюдения. «...карта предполагает образы и размышления, которые не могут быть ни увидены, ни помыслены, когда мы смотрим на реальное пространство... карта представляет схему, визуальную и одновременно интеллектуальную, которая занимает место невозможного сенсорного видения» (*Jacob C. The Sovereign Map: The Theoretical Approaches in Cartography Through History. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2006. P. 29*). В этом смысле картирование — это не только набор эмпирических процедур, это работа по визуализации концептуального. См., напр., последний раздел публикуемой в настоящем номере «Логоса» статьи Дэниса Вуда и Джона Фелса «Природы карт: картографические конструкции природного мира», в котором показано, каким образом карты участвуют в конструировании наших идей (концептов) о природе, «в действительности о множестве разных природ».

15. Вот лишь несколько важных работ, вышедших в этом критическом исследовательском поле за последние 20–25 лет: *Mappings / D. Cosgrove (ed.). L.: Reaktion, 1999; Cosgrove D. Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001; Turnbull D. Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge. L.: Routledge, 2003; Pickles J. A History of Spaces: Cartographic Reason, Mapping and the Geo-Coded World. L.; N.Y.: Routledge, 2004; Jacob C. Op. cit.; Maps: Finding Our Place in the World / J. R. Akerman, R. W. Karrow (eds). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007; Cosgrove D. Geography and Vision; Rethinking Maps / M. Dodge et al. (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2009; Crampton J. Mapping: A Critical Introduction to Cartography and GIS. Oxford: Willey-Blackwell, 2010; Wood D. Op. cit.; Branch J. The Cartographic State: Maps, Territory, and the Origins of Sovereignty. Cambridge, MA; N.Y.: Cambridge University Press, 2014; The Routledge Handbook of Mapping and Cartography / A. J. Kent, P. Vujakovic (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2018; Vaughan L. Mapping Society: The Spatial Dimensions of Social Cartography. L.: UCL Press, 2018; Edney M. H. Op. cit.; Della Dora V. The Mantle of the Earth: Genealogies of a Geographical Metaphor. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2020; Wilmott C. Mobile Mapping Space, Cartography and the Digital. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020; The Politics of Mapping / B. Debarbieux, I. Hirt (eds). L.: ISTE, 2022.*

что карты не нужны, а в том, что несмотря на относительную концептуальную автономию математических и технических построений и действий, необходимых для изготовления карты, сама карта ни в коем случае не может рассматриваться как нечто автономное. Она существенно инструментальна, ситуативна и обладает значимостью лишь в той мере, в какой она является частью более широких систем, сетей и контекстов, в которые она функционально включена. Карта предполагает не только изготовителя, но и потребителя — того, кто ее читает. Причем процесс прочтения, вызываемый к жизни решением какой-либо конкретной задачи, может быть интерпретирован как творческая дорисовка имеющейся «несовершенной» карты до той ее необходимой экспликации, которая как можно более полно подходит для решения поставленной задачи. В этом смысле карта может быть представлена как объект, находящийся в процессе постоянного становления, она никогда не бывает готовой и всегда нуждается в доработке. Она эмерджентна. В заключении публикуемой в настоящем номере «Логоса» статьи Роба Китчина и Мартина Доджа «Переосмысля карты» читаем:

Карты никогда не бывают полностью сформированными, их работа никогда не бывает завершенной. Карты ситуативны, вызываются к жизни посредством практик; карта — это всегда картирование¹⁶.

Впрочем, как показывают исследователи, незавершенным и становящимся может быть и то, к чему как к независимой реальности предположительно отсылают карты как репрезентации.

Территория как результат сетевых социотехнических практик... с необходимостью является чем-то пористым, исторически обусловленным, изменчивым, неравномерным и преходящим. Это кропотливая незавершенная работа, полная неудач и пронизанная напряжением и противоречиями. Территория никогда не бывает завершенной, но всегда становящейся. Она также обещание, которое государство не в силах выполнить¹⁷.

16. В этой же статье затрагивается проблематика «филологии вещей».

17. Пейнтер Д. Переосмысля территорию // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 2. С. 16. Ср. также раздел «Структура картографической конструкции знания» в статье Дэниса Вуда и Джона Фелса «Природы карт: картографические конструкции природного мира», перевод которой публикуется в настоящем номере «Логоса».

Эти подходы к карте и территории — проявления своего рода междисциплинарной парадигмы, воплощенной в эмпирических исследованиях науки и техники, особенно акторно-сетевой теории в испытывавших их влияние проектах в разных дисциплинах и в новом материализме: каждая предположительно стабильная фундаментальная структура современной западной картины мира, претендующая на универсальный объяснительный потенциал, является продуктом *натурализации* и контингентной *работы* сети социотехнических практик, в которую вовлечены человеческие и нечеловеческие акторы. Словом, подобная структура, будь то оппозиция репрезентация-репрезентируемое, материя-значение или культура-природа, *не объясняет, но сама требует объяснения*¹⁸.

Нельзя сказать, что картографы совсем уж ничего не знали о том, что карты — это принципиально незавершенные объекты, находящиеся в становлении. Владимир Витковский писал в своем пособии «Топография», изданном в 1904 году:

Надо помнить, что никакой план, сделанный в мирное время, не может вполне удовлетворить потребностям войны: местные предметы, оставаясь неизменными по положению, меняются по качеству... меняется состояние рек, лесов и болот в зависимости от времени года, предшествовавших дождей или засух и т. п. <...> Дороги, ручьи, каналы и пр. хотя и помещены, но их поперечные размеры и доступность остаются неизвестными. Наконец, по печатным картам редко можно судить о кругозоре: видны ли известные предметы с данной точки. <...> Вообще у готовых карт странное свойство: они оказываются устаревшими, как только в них является надобность¹⁹.

Более того, у картографов есть разработанные процедуры устранения подобных несоответствий, объединенные названием «глазомерная съемка», которая, в свою очередь, подразделяется на общую и специальную, а последняя еще и на рекогносцировки и маршруты. В отличие от планов, главным качеством которых является точность, преимуществом глазомерных съемок принято считать быстроту, ясность и наглядность,

18. См. подробнее: Писарев А. Картографируя новую материальность: навигационные установки и картины мира // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 159–182.

19. Витковский В. Топография. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1904. С. 598–599.

...чтобы важнейшие предметы — дороги, населенные места, характерные вершинки — выступали резко и не затемнялись предметами, имеющими в данном случае второстепенное значение²⁰.

Что нового могли бы сказать критики картографии картографам, не вызвав у последних улыбки? Совершенно верно, карты ситуативны, контекстуальны, эмерджентны, вспомогательны, тенденциозны; они являются в большей мере инструментами, обслуживающими какой-либо процесс, чем статическими отражениями реальности, претендующими на объективность. Но как быть в том случае, когда динамические процессы, которые они обслуживают, нацелены не на решение какой-либо частной задачи (например, перемещение туриста из одной точки города в другую), а на обеспечение устойчивости широкой социальной общности, вне которой критик картографии просто не имел бы шанса реализоваться? Тогда критик картографии превращается в субверсивный элемент, критикующий основы социального порядка, к которому он принадлежит и порождением которого является. Но можно вспомнить, что любая социальная общность динамична и произвольна в том смысле, что не является природной данностью. Карты в таком случае — один из могущественных инструментов легитимации и натурализации общности²¹, употребление которого варьируется от эмансипаторного до реакционно-го, а потому может быть предметом борьбы и критики. Участвуя в производстве общностей, карты со своими границами зачастую насильственны, навязывая однородность тому, что является гетерогенным и переплетенным, разделение — тому, что является

20. Там же. С. 600.

21. Это одно из основных положений (разделяемых многими исследователями картографии) изолированной аналитики карт и картографии Дэниса Вуда, который напрямую связывает картографический подъем, начавшийся на рубеже XV–XVI веков не столько с ренессансным переоткрытием Птолемея, экспансией географических открытий или прогрессом в математических и изобразительных техниках (прежде всего, проекции и перспективы), сколько с формированием новых политических аппаратов, для которых карта становится одним из основных инструментов рационализации контроля (См., напр.: *Скотт Д.* Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2010. С. 58–82, 97–110). При этом, согласно Вуду, сама карта является инструментом построения государства современного типа: «...карта была артефактом, сконструировавшим государство, буквально способствовавшим его появлению» (*Wood D.* Op. cit. P. 32).

непрерывным и связным²². Тогда уже карта оказывается субверсивным элементом.

Акцентируя внимание на, казалось бы, «вспомогательных» аспектах картографирования, критика картографии, безусловно, делает более понятным вопрос о том, как работает и как используется карта; она разъясняет в том числе то, почему, несмотря на вполне трезвый взгляд на вещи самих картографов, существует широко распространенная склонность игнорировать некоторые качества, которыми карты все же обладают. Карты способны поддерживать порядки очень широких социальных и культурных общностей, в пределе — планетарных. Многие из них выстроены на конвенциях, вызванных к жизни волей к замирению после ожесточенной и изматывающей борьбы. Можно без преувеличений сказать, что почти любая карта — это результат когда-то случившегося столкновения, конфликта. В нее вписана парадигма однажды достигнутого консенсуса, за которым следовало бы закрепить статус объективной реальности, если бы это было возможно. Карты — это нечто существенно большее, чем изображение части поверхности планеты, выполненное в определенной проекции с помощью определенных условных знаков. Они функционально задействованы в поддержании и воспроизведении строго определенного представления об отображаемом месте и особых правил отношения к нему. Кадастровый план, действительно, способен превратиться в малозначимый артефакт, если упразднить правовую систему, внутри которой он воспринимается как документ, либо, двигаясь с противоположной стороны, каким-либо образом поразить в правах его обладателя — вывести его за пределы пресловутой более широкой системы, функциональным элементом которой является картирование.

У критических исследований картографии своя история, хотя появились они лишь в последние десятилетия XX века. В уже упомянутой статье Китчина и Доджа помимо обоснования предлагаемого ими эмерджентного подхода к пониманию природы карт, приводится обстоятельный историографический обзор критической картографии от ее пионера Брайана Харли, еще ве-

22. Одним из обсуждаемых примеров таких практик выступает джерримендеринг, то есть манипуляция границами избирательных округов. Подробнее см. статью Дмитрия Кралечинка «Зум и две имманентности» в настоящем номере «Логоса», а также: *Страхов К. А.* Сталинский джерримендеринг: как Ленинград разделили на районы в 1936 году // *Городские исследования и практики.* 2022. Т. 7. № 2. С. 35–60.

рившего в возможность объективной картографии и скрупулезно разоблачавшего случаи, когда карты намеренно или спонтанно превращались в инструмент манипуляции, до Джереми Крэмптона, который категорическим уходом в область ситуативных и реляционных сценариев возникновения карт обозначил *разрыв* в поле самой критической картографии. Согласно Крэмптону, составление карт тесно вплетено в обстоятельства сиюминутно актуальных здесь-и-сейчас. Поэтому, в частности, нельзя говорить об историческом прогрессе и эволюции техник картирования. Карта, изготовленная сегодня, ничуть не совершеннее карты, изготовленной в прошлом веке. Она просто другая, поскольку предназначена для решения других задач (или тех же, но иначе понимаемых)²³.

Подробно разбирая теоретические позиции таких видных критиков картографии, как Джон Пиклз, Дэнис Вуд и Мэттью Эдни, Китчин и Додж в целом становятся на позиции Крэмптона, но привносят в его трактовку еще более радикальное допущение. Они ставят в центр внимания не репрезентационные характеристики карт, а то, какую *работу* карты выполняют, то есть реляционные пространственные проблемы, решаемые посредством картирования. Этот перенос окончательно лишает карты их собственной онтологической гарантированности, зато позволяет понять их прагматику. С точки зрения авторов, карту необходимо рассматривать не как особый способ представления мира, а как поиск репрезентационных решений (необязательно изобразительных) для реляционных, пространственных *проблем*. По их мнению, такой поворот способен предоставить теоретическое пространство для изучения технических и идеологических аспектов картографии, в котором, как надеются авторы, можно было бы создать дискуссионную площадку для полноценного диалога между критиками картографии и профессиональными картографами. Диалога по поводу в том числе того, как карту используют те, для кого ее объективность — способ легитимировать путем натурализации собственный произвол.

Мысль об ущербности исключительно репрезентационного представления о картах высказывается и в другой переводной статье этого номера «Вступая на территорию риска: пространство в эпоху цифровой навигации». Авторский коллектив этой работы является воплощенным образцом междисциплинарного сотрудничества представителей таких, на первый взгляд, да-

23. См.: Crampton J. Op. cit.

леких дисциплинарных областей, как менеджмент знаний и изучение мобильности (Эдуардо Камахо-Хюбнер), география риска (Валери Новембер) и исследования науки и техники (Бруно Латур). Эти авторы используют существенно иной терминологический арсенал, но также заостряют свое внимание на двух ортогональных способах отношения к карте: как к статическому изображению с наличием определенного соответствия между изображенными знаками и отображаемыми деталями рельефа; и как к последовательности сигналов и ориентиров позволяющих проложить маршрут и по возможности безопасно пройти по нему. Первый способ отношения к карте они называют «миметическим», второй — «навигационным». И здесь тоже указывается на несостоятельность привычного «миметического» отношения к карте. Камахо-Хюбнер, Латур и Новембер не отрицают факт существования корреляции между картой и местностью, но полагают, что ее важность сильно преувеличена, а ее абсолютизация приводит к ложному представлению о том, как работают карты и зачем они нужны. Они убедительно показывают, что картография подобно любому другому научному образу способна индуцировать научную объективность только посредством выстраивания длительных серий, или каскадов, непохожих друг на друга записей, производимых инструментами, теориями и вычислениями. При этом объективность соотносится не с отдельным изображением, которому бы что-то соответствовало вовне, а с серией записей — длящейся и непредсказуемо меняющейся. Одномоментный срез «миметического» образа карты, рассмотренный сам по себе, если изолировать его от серии и рассматривать как нечто самостоятельное и самодостаточное, выпадает из области объективного.

Как только вы разрушаете каскад, изолированный образ утрачивает свой научный или референциальный характер и выходит на совершенно другую траекторию. Он становится «миметическим», то есть производит как своего рода гало *фиктивный референт*, который может казаться очень убедительным, но не имеет в действительности практического эквивалента: это простое удвоение того, что показывается в образе. Миметический образ не ведет никуда, только к столь же фиктивному вопросу о его сходстве с оригинальной моделью, то есть с тем, что порождено самой репрезентацией. Чтобы решить, является ли фотография галактики объективной или нет, вы должны заново связать ее с длинным каскадом других записей, из которого она была извлечена. Важно здесь то, что эти записи *не похо-*

жи на фотографию, но как раз именно это *отсутствие* сходства позволяет *добиться* достоверности как объективного качества фотографии²⁴.

Прокладывая маршрут, мы учитываем массу самых разнообразных данных, производимых различными институтами: погодную сводку, правовой статус территории, ее репутацию с точки зрения других путешественников. Сама карта — результат работы многих институтов, проходя через долгую цепочку коллективных действий от сбора и систематизации данных до математической обработки, макетирования и тиража. География путешествия — это поиск нужных ориентиров, взаимодействие с ними, учет и предвосхищение многих рисков, рефлексия в отношении преодоленного и намечаемого пути и нередко обратная связь с исправлением уже существующих карт. Карта, воспринимаемая в навигационном модусе, оказывается очень подвижной и меняющейся, а не статичной. Переключение с «миметического» на «навигационное» восприятие карты позволяет авторам продемонстрировать спорность таких прочно укоренившихся оппозиций, как «объективная реальность» картографической основы и «субъективные слои» налагаемых на нее интерпретаций, а также «физическая» география и «культурная» география. Сами понятия «пространства» и «территории» могут быть подвергнуты в навигационном модусе восприятия содержательной критике и представлены лишь как характерная черта временного и исторически короткого «модернистского эпизода».

Камахо-Хюбнер, Новембер и Латур справедливо полагают, что обнаружившаяся спорность «миметической» интерпретации картографического импульса стала особенно наглядна с возникновением цифровых карт и GPS-навигации. После их появления в повседневную жизнь едва ли не каждого путешествующего человека прочно вошел опыт самостоятельного «изготовления» карт и прокладки маршрутов (а также их изменения, интерактивного общения с навигационными программами разного качества и разной степени ангажированности со стороны рекламных агентств, учета большого количества качественной и количественной вспомогательной информации, такой как наличие транспортных маршрутов, оценка длительности пути, оповещение об автомобильных

24. См. перевод статьи Валери Новембер, Эдуардо Камахо-Хюбнера и Бруно Латура «Вступая на территорию риска: пространство в эпоху цифровой навигации» в настоящем номере «Логоса».

пробках и т. д.). В отличие от бумажных карт эти навигационные системы компактны, мобильны, интерактивны и содержат массу вспомогательных функций, в частности, зумирование — гладкое, континуальное изменение масштаба и, соответственно, визуального разрешения карт.

Конечной на сегодня точкой этой эволюции геовизуализации²⁵ является концепция «Цифровой Земли» (1992), ограничения и реализации которой подробно анализируются в статьях «Цифровая Земля: геопространственная революция и её мировоззренческие последствия» Евгения Еремченко и «От карты к цифровой 3D-модели реальности... и снова к карте» Андрея Леонова. Наиболее известным воплощением этой концепции является *Google Earth* (2005). В отличие от классических карт в этом способе геовизуализации, более гетерогенном, активно используются изображения, а не только картографические знаки. Цифровую Землю, по Еремченко, отличают, во-первых, всемасштабность (диапазон изменения масштаба пользователем ничем не ограничен, даже, может быть, точнее назвать это внемасштабностью), во-вторых, всеракурсность (пользователь «на лету» создает необходимый ему ракурс в гладком объемном пространстве, не будучи ограничен одной проекцией, как в карте). Обратной стороной такой свободы пользователя оказывается, отмечает Леонов, «размытый статус и источники данных, избыточность информации, неопределенность ответственности, и как следствие — легкость манипуляции информацией и восприятием пользователя». Здесь, вопреки, казалось бы, бесшовному скольжению и перемене масштабов и дистанций, речь не идет о простой репрезентации: Цифровая Земля не является двойником Земли. В свою очередь, и гладкое перемещение между масштабами не аналогично оптическому зумированию.

Операция программного зумирования, выполняемая, например, в программе *Google Earth*, нетривиальна и в целом иллюзорна. Это своего рода мультипликация, имитирующая гладкость пе-

25. Интересно, что эта эволюция сопровождается умножением картографий и покрытием все большего числа предметностей и регионов мира (не только планеты). Подробнее об этой практически бесконечной экспансии картографии как базовой онтологической модели воображения см. статью Дмитрия Замятина, которая планировалась к публикации в этом тематическом номере «Логоса», но по ряду причин была напечатана в предыдущем: Замятин Д. Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 183–202.

рехода от одного масштаба к другому стремительной обработкой и визуализацией разнородных массивов данных. Она стала возможной благодаря хорошо развитой компьютерной технике. Осуществляя зумирование, мы наблюдаем не реальность вещей, а натурализованный результат работы сложных алгоритмов, инсталлирующих выборку визуальных элементов, необходимых для того или иного уровня «разрешения». Поскольку количество данных принципиально ограничено, инсталляция всегда несовершенна даже при безупречной работе компьютерных программ. Ее ни в коем случае нельзя путать с оптическим зумированием, где допустимо вести речь о наблюдаемой реальности с учетом опыта уже четырехвекового противостояния всевозможным аберрациям и обескураживающим эффектам сложного взаимодействия оптического прибора, глаза и мозга, способным породить галлюцинации, наподобие пресловутых каналов на Марсе. (Каналы устойчиво идентифицировались на рубеже XIX–XX веков фактически повсеместно именно очень компетентными наблюдателями; корневая причина этой своеобразной профессиональной «фетишизации» крылась как раз в наличии отточенной квалификации, а не в ее отсутствии.) Что-то аналогичное тому, что предлагает опция зумирования в *Google Earth*, можно было бы получить, используя онлайн-камеры станции МКС, но ими невозможно управлять с произвольного частного компьютера или мобильного устройства. Кроме того, оптическая система камеры не снабжена девайсами, маркирующими изображение наименованиями топонимов, гидронимов и прочерчивающими административные границы.

Любая нынешняя открытая геоинформационная система ограничена в доступе к двум полярным типам картографической информации: той, что гарантирует безопасность государства, и той, что гарантирует безопасность отдельной личности. Мы скорее всего не найдем в свободном доступе массивов данных, касающихся размещения стратегических вооружений; не найдем мы и того, что напрямую затрагивает частную жизнь граждан и включено в сферу их правовой неприкосновенности.

Но вообразим «идеальную» ситуацию. Представим, что каждый житель планеты снабжен мобильным устройством (а лучше — вживленным чипом с видеорегистратором), фиксирующим обстоятельства его повседневной жизни и транслирующим их в какой-то центральный суперкомпьютер, который тщательно обрабатывает эту информацию, сортирует полученные данные и непрерывно обновляет свои базы данных в режиме реаль-

ного времени. Представим также, что открыты все архивы с документами, фиксирующими материальный состав недвижимости каждого человека (с особыми пометками для спорного или выморочного имущества). Тогда наша *Super-Deep-Google-Earth* позволит совершать предельно подробное зумирование всей ойкумены, воспроизводя не только границы частных участков, но и расстановку мебели в каждом отдельном жилище. Означает ли это, что мы создали систему, позволяющую превратить зум в инструмент подлинного погружения в реальность, а не в маскирующуюся под нее алгоритмизированную аппликацию, созданную посредством визуализации иерархически выстроенных и упорядоченных массивов данных?

И да, и нет. В статье Дмитрия Кралечкина «Зум и две имманентности» рассматриваются некоторые эпистемологические аспекты эффекта зумирования в приложении к картам. Текст статьи отталкивается от двух рассуждений. Во-первых, от критики концепта «шкалы» (как пространственной, так и временной), изложенной Бруно Латуром в небольшой программной статье «Антизум»²⁶. Во-вторых, от рефлексии Жилия Делёза в отношении самого понятия «концепт» с позиций противопоставления имманентного и трансцендентного. Уподобляя карту концепту, автор показывает, что имманентность не обнаруживается без минимального трансцендентного выхода за пределы имманентности для осуществления горизонтального делезовского «пролета». Осуществляя различие («пролет»), карта догматизирует наши представления о реальности, но это неизбежная плата за обретение связанного представления об имманентности, которая, будучи предоставленной самой себе, остается лишь совокупностью не связанных друг с другом локальностей. С точки зрения Кралечкина, зум, хотя и является всего лишь «эффектом», подменяющим реальные действия, перемещения и трудоемкие измерительные процедуры легким и плавным переходом из одного масштаба в другой, остается допустимой мерой, если рассматривать ее как способ экономии усилий. Компенсацией этого нарушения отстаиваемого Латуром «принципа связности» можно считать, по мнению автора, необязательность фиксации минимальной трансцендентности. Это всегда нечто временное и пульсирующее.

Возвращаясь к нашему примеру с суперкомпьютером, можно сказать, что несмотря на то, что картина, которую он спосо-

26. Latour B. Anti-Zoom // Scale in Literature and Culture / M. T. Clarke, D. Wittenber (eds.). L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 93–101.

бен создать, будет электронным подобием карты с масштабом 1:1 из «Сильвио и Бруно» Льюиса Кэрролла, она будет принципиально неспособна удерживать имманентность, поскольку любой единовременный синхронный срез заселенной и безостановочно меняющейся ойкумены застанет ее лишь в одном из многих непрерывно следующих друг за другом состояний. Увеличивая масштаб, мы одновременно увеличиваем подвижность элементов, подверженных картированию. Здесь все как с принципом неопределенности Гейзенберга: чем более локально определен предмет рассмотрения, тем менее известен его импульс. Непрерывно осуществляемые перемежевания и перепланировки не позволят нам осуществить строгую фиксацию.

Строгая графическая репрезентация — это не более чем попытка сообщить неподвижность объекту, способ бытия которого заключается в том, чтобы непрерывно меняться. Единственное, что наш суперкомпьютер позволит нам осуществлять более или менее результативно — это мониторинг: глубокие зум-бурения в локальных местах без всякой надежды застать картину такой же, какой она была достаточно продолжительное время назад или предсказать ее на достаточно продолжительное время вперед. И просто безупречный способ его эффективного применения — это слежка.

В среде профессиональных картографов нередко можно услышать мнение, что современное повсеместное «миниэкранное» использование электронных карт привело к обеднению понимания карты как совершенно особого способа представления знаний. Например, наиболее популярные у широкой аудитории пользователи функции поиска места по адресу и прокладывания маршрута (чаще всего в городской среде или в инфраструктуре транспортных коммуникаций) являются сугубо вспомогательными и второстепенными в тематическом картографировании (когда требуется создать представление о каком-либо географически распределенном признаке, например о демографических или эпидемиологических показателях). Если взять это последнее, то при осуществлении сложного районирования предмета картографирования уяснение форм ландшафта нередко происходит в ходе самого картирования и благодаря ему. Большинство карт по необходимости представляют лишь «порцию» ландшафта, в которую особым образом вписан предмет. Размер в данном случае имеет значение, поскольку карта как правило содержит несколько слоев выражения и плотно насыщена иконическими элементами. В силу этого выбор делается в пользу широкоформатных

карт. Кроме того, поскольку лишь крайне ограниченное число предметов обладает прямоугольной формой и может полностью совпасть с эргономически приемлемым прямоугольным листом, возникает неизбежное семантическое напряжение между рамкой карты и границей предмета. Графическое, цветовое и композиционное решение этой задачи превращает карту в целостное произведение, обладающее собственным особым смыслом, не экстраполируемым на другие географические пространства.

Широкая электронная экспансия и зум-эффекты оттеснили на второй план громоздкие бумажные карты, типичный физический размер которых предполагает использование таких речевых оборотов, как «развернуть на столе», «повесить на стене», «раскрыть [атлас, лист]» и т. д. Изменилась и моторика восприятия карты. Если раньше для того, чтобы рассмотреть карту («охватить» ее взглядом, уяснить ее содержимое), необходимо было перемещать взгляд над неподвижным листом (вместе с соответствующими, «помогающими» движениями тела), то теперь карта скользит вдоль рамки неподвижного монитора, как горизонтально, так и «вглубь», а вся наша сенсомоторика сводится к неторопливой и размеренной работе пальцев (либо к движению кисти, обхватившей компьютерную мышь) в угоду обездвиженному взгляду. При электронной «прокрутке» карты из восприятия фактически изымаются такие важные для картографирования аспекты, как общий вид картируемого предмета и пространство между границей предмета и рамкой карты. И если первый теоретически реконструируем с помощью памяти и работы воображения, то второе, похоже, постепенно сходит на нет, поскольку стирается само понятие «внешней» рамки (в смысле края карты или полосы, отчерченной по ее краю). Вдоль монитора скользит конечное, но безграничное двухмерное изображение замкнутой трехмерной поверхности. Вспомогательная функция края как шкалы с обозначениями широт и долгот также стала необязательной, поскольку координаты точки, на которую указывает курсор, автоматически высвечиваются мелкими цифрами в каком-нибудь из углов монитора.

В планировавшейся для этого номера, но по ряду причин опубликованной номером ранее статье Владимира Каганского «Неметафора: феноменология картографического изображения»²⁷ анализируются многие нетривиальные особенности преимуще-

27. Каганский В. Неметафора: феноменология картографического изображения // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 217–244.

ственно «специального тематического картографирования». Автор намеренно акцентирует свою причастность к цеху профессиональных картографов и представляет свой подход как герменевтический, основанный на интроспекции и рефлексии собственного опыта картографа-составителя и пользователя карт. Текст не только увлекательно повествует о технических особенностях изготовления тематических карт, но и передает опыт эмоционального, психологического и онтологического проживания действий, посредством которых карта реализуется не столько как средство эксплицитного обоснования, сколько как ресурс для «формирования-выбора решения»²⁸. В ходе этой рефлексии стандартизированный набор картографических понятий, таких как «основа», «специальное содержание», «иконичность», «знак», «масштаб» и т. д. приобретает оттенок парадоксальности, что дает автору возможность, прибегая к средствам семиотики и теории классификации, разомкнуть сугубо позитивистское отношение к картированию как к набору строго регламентированных технических приемов и, действительно, выстроить герменевтику погружения в опыт профессионального картирования, который, в его представлении, является не столько «семиотическим копированием» или «переводом», сколько творческим наделением феноменов ландшафта значениями.

Остается непонятным, какую роль автор отводит самому картографу. Категорически отстраняясь от семиологических попыток увидеть в картах систему произвольного языка (вплоть до введения в оборот категорий, в принципе исключающих феномен артикуляции, как, например, «сплошность» карт), он очевидно не довольствуется ролью картографа как вполне авторитарного разработчика этого языка. Текст статьи не содержит эксплицитных формулировок, которые помогли бы однозначно ответить на поставленный выше вопрос, однако использование таких оборотов, как «герменевтика ландшафта», «географический профессионализм», «экспертиза руки», позволяет предположить, что автор таким образом намекает на онтологическую связь картографа с ландшафтом, объективирующую произвольность его картографических решений. Якобы карты говорят не языком картографа, а языком самого ландшафта через картографа, который в данном случае является лишь медиумом, подчиняющимся объективному порядку вещей. Но кто поручится за объективность этой объективности после полувека суще-

28. Там же. С. 241.

ствования критической картографии? То, что картограф является артикулятором порядка, не вызывает сомнений, но каковы механизмы формирования этого порядка, если учесть, что карты всегда были неотъемлемой частью арсенала инструментов вторжения? Они вошли в нашу жизнь как привычные спутники войн и путешествий, равно как высокомодернистских проектов, статистических отчетов и экологических прогнозов. Они организовывали разрозненные локальные представления в угоду внешнему взгляду. Их порядок имел искусственный характер и был предназначен для того, чтобы приручать дикое и подчинять непокорное. Примечателен сам факт признаваемой Каганским табуированности обсуждения в картографическом профессиональном сообществе вопроса о «логике картографов-профессионалов в представлении пространственной формы ландшафта»²⁹, что само по себе сильно напоминает стратегии социального поведения высококвалифицированной технократии.

Противопоставляя семантику карт семантике письменного текста, Каганский, по-видимому, не делает различия между языком в его лингвистическом аспекте и «языком» в его семиологической трактовке, ограничиваясь критикой, главным образом, дискретного печатного текста, противопоставляемого «сплошной» карте. Между тем во втором (семиологическом) случае «язык» принято понимать исключительно в смысле одной из составляющих категории *язык/речь*, сохраняющей свою актуальность даже в тех случаях, когда разговор ведется о системах, материал которых не является словесным. С точки зрения семиолога, язык принципиально диджитален, поскольку может быть представлен в виде конечной системы оппозиций (в пределе — бинарных) форм как выражения, так и содержания. И знак, наличие которого в картографии сложно отрицать, довольно наглядно воплощает собой эту двойственную структуру, объединяя означающее с означаемым — план выражения с планом содержания. Трудно оспаривать мнение Каганского, что карта — это не текст, но из этого отнюдь не следует с непреложной строгостью, что карты не являются какой-либо, еще недостаточно строго изученной манифестацией языка. Возможно, вопрос станет яснее, если мы заменим туманные термины «герменевтика ландшафта» и «экспертиза руки» более привычным для семиолога понятием «мотивированности». Если язык карт в высокой степени мотивирован (изображаемое диктует то, как его следу-

29. Там же. С. 235.

ет изображать), то вопрос о «логике картографов-профессионалов в представлении пространственной формы ландшафта» может быть рассмотрен с точки зрения особенностей трансляции этой мотивированности.

Можно пойти дальше и сказать, что во многих своих аспектах карты не только мотивированны, но и попросту аналогичны (особенно в иллюминировке — голубая вода, зеленый лес и т. д.). И вопрос об аналогичных означающих хорошо изучен в семиологии; для них тоже возможно установить парадигматические серии, состоящие из немногочисленных дискретных элементов, во всяком случае, можно предпринять попытку такого установления. Очевидным прототипом этой проблемы в лингвистике является случай ониматопеи (в основном звукоподражания, но не только), характеризуемой утратой второй артикуляции (или, как иногда переводят в русскоязычной литературе, «второго членения»). В лингвистике эта проблема снимается через различия, возникающие у однотипных звукоподражаний в различных языках (например, *gav* в русском и *arf* в английском языках, как подражание собачьему лаю), что, с одной стороны, демонстрирует подчиненность мотивации фонологическим моделям разных языков, с другой — указывает на сам факт нетривиального, «замаскированного» присутствия диджитального в аналогичном. В семиологии инвентаризация сильно мотивированных систем также позволяет выявлять случаи дискретизации аналогичного посредством, главным образом, выявления конфликта между мотивированным и не-мотивированным, который обязательно возникает при появлении знака, свидетельствуя тем самым о произведенной артикуляции. Как писал Ролан Барт, между аналогичным и не-мотивированным существует «некоторая разновидность циркулярности»³⁰. Другими словами, в сильно мотивированных системах (которыми могут быть в том числе карты) существует двойная тенденция, с одной стороны, натурализовать немотивированное, с другой — «интеллектуализировать» мотивированное (делать его фактом культуры). Знак, а следовательно, и жест артикуляции, возникает в месте стыковки этих тенденций. Действительно, любой элемент даже сильно мотивированного изображения на кар-

30. Barthes R. Elements of Semiology. N.Y.: Hill and Wang, 1986. P. 53. В русском частичном переводе этот раздел (II. 4. 3), к сожалению, пропущен. Ср. также использование семиотики Барта и Женнета в статье Дэниса Вуда и Джона Фелса «Природы карт: картографические конструкции природного мира», публикуемой в настоящем номере «Логоса».

те мотивирован лишь отчасти. И такие вторжения, как, например, разброс правильных кружочков, обозначающих кустарник на зеленом аналогичном поле; мягкая растушевка границы лесной зоны и т. д. — являются в большей степени не-мотивированными вмешательствами в аналогичное со стороны той самой «экспертизы руки», о которой пишет Каганский.

В статье Константина Иванова «Неочевидность достоверности: наброски к семиологии картографических изображений», напротив, делается попытка различить в географических картах семиологическую систему особого типа. Иванов исходит из нескольких неочевидных предположений, которые носят гипотетический характер. Например, с его точки зрения, всю совокупность карт, накопленную в Европе, начиная с раннего Нового времени, можно считать синхроничной (за исключением редких локальных географических традиций, сумевших развиваться независимо от европейской картографической практики, как, например, русский географический чертеж³¹). По его мнению, указанная синхрония вполне способна соседствовать с эволюционирующими и диахроничными социальными институтами, занимающимися производством карт, как к этому способны многие другие языки, посредством которых общаются представители указанных институтов. В этом смысле Меркатор может быть рассмотрен как современник уже упоминавшегося здесь Витковского, тем более что, как было показано многими авторами, тенденция всего XX века отыскивать в системах картографических обозначений следы какой бы то ни было эволюции, по всей видимости, задала ложные ориен-

31. О русской картографической традиции до проникновения в Россию «европейских» практик картографирования см.: *Кивельсон В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: НЛО, 2012; *Кусов В. С.* Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М.: Русский мир, 1993; *Он же.* Русский географический чертеж XVI–XVII веков: закономерности развития начального этапа отечественного картографирования. Дисс. в виде науч. докл. ... докт. геогр. наук. М.: МГУ, 1996; *Он же.* Московское государство XVI — начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007; *Сотникова С. И.* Памятники отечественной картографии XVII века // Памятники науки и техники. 1987–1988. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 176–185; *Тиц А. А.* Загадки древнерусского чертежа. М.: Стройиздат, 1978; *Яковлев В. О.* К вопросу о степени изученности и методологии исследований корпуса русских географических чертежей XVI–XVII веков // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 7–18. См. также главу Леонида Голденберга «Русская картография до 1700 года» в: *The History of Cartography / D. Woodward (ed.).* Chicago, L.: University of Chicago Press, 2007. Vol. 3. P. 1852–1904.

тиры в истории картографии и, во всяком случае, на какое-то время должна быть отложена.

Иванов считает, что в первом приближении нет особенной нужды вычленять минимальные значимые единицы карт посредством теста на коммутацию. Они уже заданы в номенклатуре знаков (эксплицированной или растворенной в травелогах и служебных рекомендациях). Собственно, номенклатура уже указывает на первичную группировку этих знаков в парадигматические классы (различные типы городов, дорог, промышленных предприятий, добывающих промыслов и даже отдельных элементов рельефа). С другой стороны, сама изготовленная карта также является парадигмой дистанций, локализаций, ориентаций, азимутов и т. д. Поэтому Иванов почти сразу сосредотачивается на классификации синтагматических отношений, которые соединяют эти значимые единицы. Ему удастся выделить два типа качественно отличных друг от друга синтагм: маршрут и границу. Они в полном согласии с моделью Романа Якобсона задают два типа «сообщений», по-разному ориентированных в пространстве языка: парадигматическое (с метафорической доминантой) — синтагма границы; и синтагматическое (с метонимической доминантой) — синтагма маршрута.

Охарактеризовав особенности «языка» карт (произвольный, изологический и т. д.), Иванов приводит несколько иллюстраций ее «речи», которые, соответственно, приобретают характер «путешествия» (для маршрута) и «разграничения» (для границы). Как и в лингвистике, здесь оказывается возможным выявить связь между «эстетикой» и нарушением обычного рубежа в оппозиции *синтагма/система*. Например, маршруты паломнического странствования или путешествия по местам боевой славы могут быть представлены как путешествие с подчеркнуто акцентированными парадигматическими качествами; в свою очередь,

...объезд пограничной черты дозором пограничной службы или закольцованная утренняя прогулка по парку, ставшая рутинной привычкой индивидуального режима, это синтагмы, разворачиваемые внутри застывших систем³².

Вернемся к художественному проекту Бушры Халили. Возможно, несколько вольно трактуя оппозицию синтагм в семиологии

32. См. статью Константина Иванова «Неочевидность достоверности: наброски к семиологии картографических изображений» в настоящем номере «Логоса».

ческом исследовании Иванова, можно предположить, что этот художественный проект выявляет спор между двумя модусами высказывания и одновременно прагматики карт: маршрутом и границей, путешествием и разграничением. Как и любой образ, карта не пассивна: она окликает нас, подталкивает к чему-то. Практики и реалии, сцепленные с этими двумя видами призыва, кардинально различны, как разнонаправленные и векторы критического осмысления картографии в зависимости от того, ведомы ли они прагматикой путешествия или прагматикой переустройства и удержания границ.

Карта маршрута — своего рода аппарат открытости, проницаемости и познания. Китчин и Додж, Камахо-Хюбнер, Новембер и Латур делают акцент на этой активности карты как онтологического аппарата. Она организует навигацию, серию ориентиров. Напротив, карта границы — это одновременно инструмент и фундамент нечеловекообразных акторов вроде государств и военных блоков, стимулятор распаленного геополитического воображения, нациестроительства, присвоения и пересборки общностей. Однако это не два разных типа карты, а аспекты любой карты, которые могут быть использованы как во благо, так и во вред. И путешествие, и разграничение — одни из тех человеческих практик, на основе которых конструируется территория и, шире, жизненный мир. Каким он будет — зависит в том числе от того, какой оклик карты мы готовы и хотим услышать, какие миры, социальные общности и практики мы хотим или способны создавать и поддерживать.

Библиография

- Алперс С. Искусство описания. Голландская живопись в XVII веке. М.: V-A-C Press, 2022.
- Берлянт А. М. Картография: учебник. М.: ИД КХУ, 2014.
- Витковский В. Топография. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1904.
- Замятин Д. Онтологии картографии: географическое воображение и планетарность // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 183–202.
- Каганский В. Неметафора: феноменология картографического изображения // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 217–244.
- Кант И. О педагогике. 1803 // Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8.
- Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: НЛО, 2012.
- Кусов В. С. Московское государство XVI — начала XVIII века. Сводный каталог русских географических чертежей. М.: Русский мир, 2007.
- Кусов В. С. Русский географический чертеж XVI–XVII веков: закономерности развития начального этапа отечественного картографирования. Дис. в виде науч. докл. ... докт. геогр. наук. М.: МГУ, 1996.

- Кусов В. С. Чертежи Земли Русской: Каталог-справочник. М.: Русский мир, 1993.
- Пейнтер Д. Переосмысляя территорию // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 2.
- Переж Ж. Просто пространства. Дневник пользователя. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012.
- Писарев А. Картографируя новую материальность: навигационные установки и картины мира // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 159–182.
- Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2010.
- Сотникова С. И. Памятники отечественной картографии XVII века // Памятники науки и техники. 1987–1988. Т. 6. М.: Наука, 1989. С. 176–185.
- Страхов К. А. Сталинский джерримендеринг: как Ленинград разделили на районы в 1936 году // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 2. С. 35–60.
- Тиц А. А. Загадки древнерусского чертежа. М.: Стройиздат, 1978.
- Яковлев В. О. К вопросу о степени изученности и методологии исследований корпуса русских географических чертежей XVI–XVII веков // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3. С. 7–18.
- Barthes R. *Elements of Semiology*. N.Y.: Hill and Wang, 1986.
- Branch J. *The Cartographic State: Maps, Territory, and the Origins of Sovereignty*. Cambridge, MA; N.Y.: Cambridge University Press, 2014.
- Cosgrove D. *Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Cosgrove D. *Geography and Vision: Rethinking Maps* / M. Dodge, R. Kitchin, C. Perkins (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2009.
- Cosgrove D. *Geography and Vision: Seeing, Imagining and Representing the World*. L.; N.Y.: I. B. Tauris, 2008.
- Crampton J. *Mapping: A Critical Introduction to Cartography and GIS*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
- Della Dora V. *The Mantle of the Earth: Genealogies of a Geographical Metaphor*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2020.
- Edney M. H. *Cartography: The Ideal and its History*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2019.
- Harley J. B. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Jacob C. *The Sovereign Map: The Theoretical Approaches in Cartography Through History*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2006.
- Latour B. *Anti-Zoom // Scale in Literature and Culture* / M. T. Clarke, D. Wittenber (eds.). L.: Palgrave Macmillan, 2018. P. 93–101.
- Mappings / D. Cosgrove (ed.). L.: Reaktion, 1999.
- Maps: *Finding Our Place in the World* / J. R. Akerman, R. W. Karrow (eds). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007.
- Nicolaou A. *Documenting Migration in Contemporary Art: Bouchra Khalili's The Mapping Journey Project* // Post. Notes on Art in Global Context. 19.2.2020. URL: <https://post.moma.org/documenting-migration-in-contemporary-art-bouchra-khalilis-the-mapping-journey-project/>.
- Pickles J. *A History of Spaces: Cartographic Reason, Mapping and the Geo-Coded World*. L.; N.Y.: Routledge, 2004.
- The History of Cartography* / D. Woodward (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007.

- The Politics of Mapping / B. Debarbieux, I Hirt (eds). L.: ISTE, 2022.
- The Routledge Handbook of Mapping and Cartography / A. J. Kent, P. Vujakovic (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2018.
- This Is Not an Atlas: A Global Collection of Counter-Cartographies / Kollektiv Oran-gotango+ (eds). Bielefeld: transcript Verlag, 2018.
- Turnbull D. Masons, Tricksters and Cartographers: Comparative Studies in the Sociology of Scientific and Indigenous Knowledge. L.: Routledge, 2003.
- Vaughan L. Mapping Society: The Spatial Dimensions of Social Cartography. L.: UCL Press, 2018.
- Wilmott C. Mobile Mapping Space, Cartography and the Digital. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020.
- Wood D. Rethinking the Power of Map. L.; N.Y.: The Guilford Press, 2010. P. 111–256.

ON THE INSIDE OF MAPS: CRITICAL CARTOGRAPHY

KONSTANTIN IVANOV. S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (IHST RAS), Moscow, Russia, ikv@ihst.ru.

ALEXANDER PISAREV. Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (RAS), Moscow, Russia, topisarev@gmail.com.

STANISLAV GAVRILENKO. Lomonosov Moscow State University (MSU), Russia, o-s@proc.ru.

Keywords: mapping; critical cartography; postrepresentationalism; ontology; history of science; practical philosophy.

The article is devoted to the discussion of the key problems of critical cartography, to which the materials presented in this issue of *Logos* are devoted. At the beginning the main points of this problematics are outlined by analyzing Buchra Khalili's art project *The Mapping Journey Project* (2008–2011). Then the idea of critical cartography is introduced. Firstly, the critique is aimed at the ideas of modern Western common sense and official scientific ideology, first of all professional cartographers themselves, about the map as a neutral and objective representation. Secondly, it is aimed at the ways, contexts and consequences of the production and use of the map in socio-political practices from colonization, wars and the reshaping of social communities to the management of territories, nation-building and routing.

According to critics of cartography, maps record not the landscape as a concrete material reality, but a strictly defined set of relations to this reality, conditioned by social, political, cultural and economic realities. The map is an important part of broader communications and practices. Despite the relative conceptual autonomy of mathematical and technical constructions and actions necessary for the production of the map, it can in no way be considered as something autonomous. It is essentially instrumental, situational and has significance only to the extent that it is part of the broader systems in which it is functionally included. In this sense, the map can be represented as an object in the process of constant formation, it is never ready and always needs to be finalized. The map is the result of the work of many institutions, a large chain of collective actions from data collection and systematization to mathematical processing, layout and circulation. In conclusion, the semiological aspect of maps is discussed: it is defined by the syntagma of the route and the syntagma of the border. Therefore, if the map expresses itself, this statement has two modes — “travel” and “delimitation.”

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-1-31